

После того как Жань Юйшэн окончательно покинул мир живых, госпожа Жань больше не затворялась в стенах своего поместья. Приняв статус вдовы, она начала понемногу выходить в свет.

Жань Юйшэн при жизни был человеком проницательным и умел вести дела: помимо пустых знакомств ради престижа, у него было несколько по-настоящему преданных друзей. После его внезапного ухода эти люди, разумеется, окружили вдову заботой и вниманием.

Увидев призрак мужа своими глазами, всё семейство Жань не на шутку увлеклось метафизикой. Госпожа Жань восстановила прежние связи супруга и через его друзей вышла на нескольких именитых мастеров. Сама она в тонкостях учения не разбиралась и не смела действовать наобум, лишь в общих чертах изучила советы наставников. По их наставлению она занялась благотворительностью, начала совершать благие дела ради накопления заслуг и делать щедрые подношения храмам.

Проще говоря, она тратила деньги. А денег в семье Жань было в избытке, и вдова ничуть не дорожила этими земными благами.

Вникнув в суть дела, женщина основала собственный благотворительный фонд. Средства в него не собирались со стороны — основным источником был её личный капитал. Наследство, оставленное Жань Юйшэном, помимо недвижимости, состояло из множества акций и облигаций, ежегодные дивиденды по которым составляли баснословную сумму. Друзья покойного мужа помогли ей найти надежных управляющих для фонда, а сама госпожа Жань сосредоточилась на делах, найдя в этом долгожданную опору.

Благодаря профессиональным менеджерам она на самом деле не была слишком обременена заботами.

Госпожа Жань всё еще помнила, как Жуань Бэй помог душе её мужа вернуться домой. И хотя юноша считал это пустяком, она не переставала чувствовать к нему глубочайшую благодарность. Выбрав подходящее время, женщина решила нанести семье Жуань официальный визит.

Жуань-папе, как мужчине, с гостьей обсуждать было особо нечего. Он лишь вежливо поприветствовал её, после чего с головой ушел в кухонные хлопоты, намереваясь порадовать гостью своими коронными блюдами.

Зато мама Жуань и госпожа Жань на удивление быстро нашли общий язык. Обе женщины отличались мягким нравом. Госпожа Жань, несмотря на безупречное воспитание, не выказывала и тени того высокомерия, с которым богатые дамы порой смотрят на простых людей. Она привыкла к изысканной жизни, но в тесноте скромной квартирки Жуаней чувствовала себя совершенно непринужденно. Вместо утонченных десертов к послеобеденному чаю она с искренним интересом грызла приготовленные Жуань-папой

куриные лапки с маринованным перцем.

Раньше у госпожи Жань не было настоящих подруг. В её кругу общения редко встречались женщины, чья жизнь была бы так же безоблачна и счастлива, как её собственная. О достижениях Жань Юйшэна и говорить не стоило, но он и внешне был на редкость хорош: высокий, статный и преданный — редкое сочетание для мужчины с деньгами и талантом.

Когда-то супруга, боясь боли, отказалась рожать детей. Жань Юйшэн, не желая, чтобы о ней судачили за спиной, просто заявил всем, что сам не хочет наследников. Слухи о его бесплодии он пропускал мимо ушей, лишь посмеиваясь. Если бы она не призналась во всем сама, сплетни бы окончательно превратили мужчину в того, кто прикрывает верностью половое бессилие.

Впрочем, и сейчас находились те, кто шептался об этом. Мужчины не понимали, зачем обладателю власти и богатства хранить верность одному-единственному цветку, ведь даже самая прекрасная роза рано или поздно примелькается. Женщины же исходили желчью от зависти. Пока они каждый день мучились из-за любовниц и внебрачных детей своих мужей, госпожа Жань жила беззаботной жизнью юной девушки. Мысль о том, что у её супруга есть какой-то изъян, была единственным лекарством для их сердец, опаленных завистью.

Могла ли Фэн Чжихуэй в такой атмосфере сблизиться с другими женами магнатов? Она была простодушной, но не слепой. После пары встреч, полных холодных насмешек и скрытых шпилек, у неё пропало всякое желание возвращаться в этом обществе. Что же до так называемой «дамской дипломатии», то Жань Юйшэн придерживался в этом вопросе консервативных взглядов. Он считал, что карьера — дело мужчины, и только неудачники заставляют своих жен трудиться ради общего успеха. Ему было в радость, когда жена занималась тем, что ей по душе, — пусть даже просто выращивала цветы. И от этого светские львицы завидовали ей еще больше.

Конечно, в высшем свете была не только семья Жань, где царила любовь, и не все женщины были ей врагами. Нашлись бы и те, кто отличался добрым нравом. Но в её возрасте у большинства уже были дети. Их разговоры за покупками или в спа-салонах неизменно сводились к делам, семье или бесконечному шопингу — госпоже Жань с ними было просто не о чем говорить.

Встреча же с мамой Жуань стала для неё настоящим спасением. Она любила цветы, а мама Жуань работала в цветочном магазине — общих тем было хоть отбавляй. Что касается семьи, то мама Жуань тоже была счастлива в браке. Пусть их дом не сверкал золотом, но путь от школьной скамьи до свадебного платья они с мужем прошли рука об руку, и любовь пропитала каждый их день.

Когда речь заходила о детях, госпожа Жань, и без того симпатизировавшая Жуань Бэю, с упоением слушала рассказы его матери о проказах детей в детстве. Несмотря на разницу в привычках и уровне достатка, мама Жуань вела себя достойно: не пыталась извлечь выгоду из знакомства, не лебезила и не тушевалась. А её новая подруга с детским восторгом принимала уклад жизни, с которым никогда раньше не сталкивалась, и с радостью пробовала всё новое.

Вскоре они стали неразлучны. Стоило вдове выкроить свободную минуту, как она спешила к маме Жуань. Иногда, когда та была на смене, госпожа Жань приходила прямо в магазин: помогала составлять букеты или даже консультировала покупателей. Вторая тетушка Жуань Бэя тоже оказалась женщиной доброго нрава, и порой все трое вместе отправлялись по магазинам.

Только Жуань-папа иногда втихомолку ворчал, что подруга крадет у него жену. Жуань Бэй, видя это, лишь посмеивался — он был рад за мать. У неё появилось новое увлечение, а госпоже Жань было с кем поговорить, что не давало ей провалиться в омут печальных мыслей.

Однако вскоре у самого Жуань Бэя возникли проблемы. Сун Цзяси выследил его школу.

Юноша понятия не имел, как тот его нашел — он ведь не называл имени, не давал контактов и почти с ним не разговаривал. В тот день он выходил из ворот вместе с Дун Яньяном, когда услышал чей-то голос, зовущий «братца». Сначала Жуань Бэй даже не подумал, что зовут его — он был самым младшим в семье и привык, что это он всех называет старшими.

Дун Яньян оглянулся и толкнул друга в плечо:

— Слушай, тот пацан не тебя, случаем, зовёт?

В густой толпе учеников к ним отчаянно пробирався Сун Цзяси. Он был ниже большинства старшеклассников, взмок от усилий, но, поймав взгляд Жуань Бэя, радостно замахал руками.

Жуань Бэй опустил ресницы и с каменным лицом оседлал велосипед.

— Не знаю его, — бросил он, с силой налегая на педали. — У меня нет братьев.

Дун Яньян в недоумении посмотрел ему вслед. Неужели обознался? Мальчишка ведь точно махал Жуань Бэю. Впрочем, друг проявил такт: лишь пожал плечами и припустил следом.

— Эй, подожди меня!

Жуань Бэй надеялся, что, если игнорировать Сун Цзяси, тот быстро отстанет. У этого «маленького безумца» был скверный характер — Бэй порой подозревал у него настоящую склонность к припадкам ярости. Но, вопреки ожиданиям, мальчик стал появляться у ворот школы каждый божий день.

Видимо, поняв, что Жуань Бэй не желает с ним разговаривать, тот просто сидел в сторонке, прижимая к себе рюкзак. Стоило Бэю выйти, как преследователь молча следовал за ним, преданно заглядывая в глаза.

Жуань Бэй это начинало всерьез раздражать. Свое перерождение он воспринимал как начало новой, чистой жизни. Стоит только держаться подальше от мутной заводи семьи Лу, и его будущее будет светлым. Но появление Сун Цзяси постоянно возвращало его к темным воспоминаниям, заставляя вновь переживать то, что он так хотел забыть.

В этот раз Сун Цзяси проявил небывалое терпение. Поняв, что тактика «невидимки» не работает, Жуань Бэй наконец холодно обернулся и вперил в своего «хвостика» ледяной взгляд:

— Что тебе от меня нужно?

Мальчик, похоже, не ожидал, что с ним заговорят первым. Он на мгновение опешил, после чего лихорадочно расстегнул рюкзак и выудил оттуда большой бумажный пакет:

— Братец... я постирал твою одежду...

— Не называй меня братом, — Жуань Бэй нахмурился. — Оставь одежду себе, она мне больше не нужна.

— Я стирал их вручную! — поспешно воскликнул подросток. — Честно, никакой машинки, они совсем чистые.

Юноша помедлил, но всё же забрал пакет.

— Ладно. Что-то еще? Если нет — больше не приходи сюда.

Улыбка, едва расцветшая на лице Сун Цзяси, мгновенно застыла. Он опустил голову, до белизны в костяшках сжимая лямки рюкзака.

— Я... я просто хотел поблагодарить. И еще... ты тогда поранился. Хотел узнать, как твои раны... Я могу оплатить счета из больницы...

— Не нужно. Это было моим решением, и я сам отвечаю за последствия. На твоём месте мог быть кто угодно — я бы всё равно помог. Никакой награды мне не требуется, так что забудь об этом.

«Если бы на твоём месте был кто-то другой, я был бы куда счастливее»

Сун Цзяси долго молчал. На душе у него было паршиво — куда хуже, чем когда его просто игнорировали. Но этот парень так ему понравился... Впервые в жизни кто-то заслони́л его собой в минуту опасности. Даже мать в такие моменты лишь тихонько просила его потерпеть, когда отец поднимал на него руку.

Видя, что мальчик молчит, Жуань Бэй решил, что разговор окончен, и развернулся, чтобы уйти.

— Братец! — Сун Цзяси в отчаянии ухватил его за край одежды, но, наткнувшись на недовольный взгляд, тут же испуганно отдернул руку.

— Что еще?

Сун Цзяси приоткрыл рот, но слова застряли в горле. Наконец, прежде чем собеседник успел скрыться, он пролепетал:

— Ты... ты ведь считаешь меня ненормальным, да? Поэтому ненавидишь? В тот день... я не сам надел платье. Это они... они заставили меня...

Если «братец» презирает его за это, он должен был объясниться любой ценой.

Жуань Бэй мог бы просто согласиться — сказать, что считает его извращенцем, и тем самым раз и навсегда отвалить от себя. Но он знал, что Сун Цзяси болен, и это никак не связано с его одеждой. Юноша не считал, что парень в юбке — это преступление. Сам он бы так не оделся, но чужие вкусы и склонности его не касались. Пока человек не нарушает закон, он не видел за собой права судить других.

Поэтому он неожиданно мягко пояснил:

— Я не считаю, что парень в платье — это ненормально. Я не люблю тебя совсем по другой причине. Просто не люблю, и всё.

Объяснить истинную причину он не мог.

«Потому что в прошлой жизни ты, словно бешеный пёс, вцепился мне в глотку и чуть не довёл до могилы»

Но ведь никто не обязывает его быть добрым ко всем подряд? Пусть в этой жизни Сун Цзяси еще не успел натворить бед, Жуань Бэй решил позволить себе маленькую вольность и просто его избегать.

Бросив эти слова, юноша больше не оглядывался. Он сказал прямо, что Сун Цзяси ему неприятен. У этого «маленького безумца» гордость была болезненно острой во всём, что не касалось Лу Сыбая, так что теперь он наверняка оставит его в покое.

Проезжая мимо урны на углу, Жуань Бэй небрежным жестом отправил в неё бумажный пакет.

Велосипед скрылся за поворотом. Спустя мгновение у урны появился Сун Цзяси, волоча за собой рюкзак. Он постоял неподвижно, глядя на пакет, затем шмыгнул носом и вытащил его. Пакет уже испачкался, поэтому мальчик достал куртку, бережно сложил её и спрятал к себе.

<http://bllate.org/book/15323/1412125>